

Александр Степанович Грин

Мат в три хода

Александр Грин

Мат в три хода

«Public Domain»

1908

Грин А. С.

Мат в три хода / А. С. Грин — «Public Domain», 1908

«Случай этот произошел в самом начале моей практики, когда я, еще никому не известный доктор, проводил приемные часы в унылом одиночестве, расхаживая по своему кабинету и двадцать раз перекладывая с места на место один и тот же предмет. В течение целого месяца я имел только двух пациентов: дворника дома, в котором я жил, и какого-то заезжего, страдавшего нервными тиками...»

Александр Степанович Грин

Мат в три хода

Случай этот произошел в самом начале моей практики, когда я, еще никому не известный доктор, проводил приемные часы в унылом одиночестве, расхаживая по своему кабинету и двадцать раз перекладывая с места на место один и тот же предмет. В течение целого месяца я имел только двух пациентов: дворника дома, в котором я жил, и какого-то заезжего, страдавшего нервными тиками.

В тот вечер, о котором я рассказываю, произошло событие: явился новый, третий по счету пациент. Еще и теперь, закрыв глаза, я вижу его перед собой как живого. Это был человек среднего роста, лысый, с важным, слегка рассеянным взглядом, с курчавой белокурой бородкой и острым носом. Сложение его выдавало наклонность к полноте, что составляло некоторый контраст с резкими, порывистыми движениями. Заметил я также две особенности, о которых не стоило бы упоминать, если бы они не указывали на сильную степень нервного расстройства: конвульсивное подергивание век и непрерывное шевеление пальцами. Сидел он или ходил, говорил или молчал, пальцы его рук неудержимо сгибались и разгибались, как будто их спутывала невидимая вязкая паутина.

Я притворился совершенно равнодушным к его визиту, сохраняя в лице холодную, внимательную невозмутимость, которая, как мне казалось тогда, присуща всякой мало-мальски серьезной профессии. Он смутился и сел, краснея, как девушка.

– Чем вы больны? – спросил я.

– Я, доктор...

Он с усилием взглянул на меня и нахмурился, рассматривая письменные принадлежности. Через минуту я снова услышал его вялый, смущенный голос:

– Вещь, изволите видеть, такая... Очень странная... странная. Странная вещь... Можно сказать – вещь... Впрочем, вы не поверите.

Заинтересованный, я пристально посмотрел на него; он дышал медленно, с трудом, опустив глаза и, по-видимому, стараясь сосредоточиться на собственных ощущениях.

– Почему же я вам не поверю?

– Так-с. Трудно поверить, – с убеждением возразил он, вдруг подымая на меня близорукие, растерянно улыбающиеся глаза.

Я пожал плечами. Он сконфузился и тихонько кашлянул, по-видимому, приготовляясь начать свой рассказ. Левая рука его несколько раз поднималась к лицу, теребя бородку; весь он, так сказать, внутренне суетился, что-то обдумывая. Это было особенно заметно по напряженной игре лица, горевшего попеременно отчаянием и смущением. Я не торопил его, зная по опыту, что в таких случаях лучше выждать, чем понукать.

Наконец, человек этот заговорил и, заговорив, почти успокоился. Голос его звучал ровно и тихо, лицо перестало подергиваться, и только пальцы левой руки по-прежнему быстро и нервно шевелились, освобождаясь от невидимой паутины.

– Удивлять, так удивлять, – сказал он как будто с сожалением. – Вы меня только... очень прошу-с... не перебивайте... Да-а...

– Не волнуйтесь, – мягко заметил я. – Удивление же – это удел профанов.

Намекнув ему таким образом на свою предполагаемую опытность в области психиатрии, я принял непринужденную позу, то есть заложил ногу за ногу и стал постукивать карандашом по кончикам пальцев. Он замялся, вздохнул и продолжал:

– Пожалуйста, не будете ли вы так добры... если можно... каждый раз, как я руку подыму... Прошу извинить... Побеспокойтесь сказать, пожалуйста: «Лейпциг... Международный турнир-с... Мат в три хода»? А? Пожалуйста.

Не успел я еще изобразить собой огромный вопросительный знак, как снова посыпались страстные, убеждающие, тихие слова:

– Не могу-с... Верите ли? Не сплю, не ем, идиотом делаюсь... Для отвлечения от мыслей это мне нужно, вот-с! Как скажете эти слова, так и успокоюсь... Говоришь, говоришь, а она и выплывет, мысль эта самая... Боюсь я ее: вы вот извольте послушать... Должно быть, дней назад этак восемь или девять... Конечно, все думаем об этом... Тот помрет, другой... То есть – о смерти... И как оно все происходит, я вам доложу, как одно за другое цепляется – уму непостижимо... Сидел я этак у окошка, книгу читал, только читать у меня охоты большой не было, время к обеду подходило. Сижу я и смотрю... Ведь вот настроение какое бывает, – в иной момент плюнул бы, внимания не обратил... А тут мысли рассеянные, жарковато, тихий такой день, летний... Идет это, вижу, женщина с грудным младенцем, платок на ней кумачовый, красный... Потом девочка лет семи пробежала, худенькая девчонка, косичка рыжая это у ней, как свиной хвостик торчит... Позвольте-с... Вот вижу, следом гимназистка проходит, потом дама, и очень хорошо одетая, чинная дама, а за ней, извольте видеть, – старушка... Вот... понимаете?

Я с любопытством посмотрел на его руки: они быстро, мелко дрожали, расстегивая и застегивая пуговицу сюртука. В том, что он рассказывал мне, для него, по-видимому, укладывалась целая цепь каких-то пугающих умозаключений.

– Нет, не понимаю, – сказал я, – но продолжайте.

Он был сильно бледен и смотрел куда-то в сторону, за портьеру. Я ободрительно улыбнулся, он сморщился, подумал и продолжал:

– Как старушка прошла, мне и вступи в голову такая история: одной ведь теперь похоронной процессии не хватает... отошел от окна я, а все думаю: и ты, брат, помрешь... ну, и все в этаким роде. А потом думаю: да кто мы все такие, живые, ходящие и говорящие? Не только, что трупы созревающие, вроде как яблоки на сучке, а и есть еще во всем этом какая-то страшная простота...

Перед двумя последними словами голос его пресекся от возбуждения. Я напряженно слушал.

– Все это, – продолжал он, – аппетита моего не испортило. Пообедав, с наслаждением даже в гамаке лежал... А как подошла ночь, хоть караул кричи, – схожу с ума, да и все тут!..

Жалкая улыбка застыла на его судорожно сосредоточенном, вспотевшем лице. Вытащив носовой платок и сморкаясь, он продолжал смотреть мне в лицо тем же пристальным, остолбеневшим взглядом.

Я невольно улыбнулся: эта маленькая деталь, носовой платок, вдруг разрушила немного жуткое впечатление, произведенное на меня странным, чего-то испугавшимся человеком. Но он стал рассказывать дальше, и скоро я снова почувствовал себя во власти острого, болезненного любопытства. Еще не зная в чем дело, я, кажется, уже готов был поверить этому человеку, оставляя под сомнением его ненормальность.

Он спрятал платок и продолжал:

– До вечера был я спокоен... Веселый даже ходил... ну, отправляясь спать, в садик вышел по обыкновению, посмотреть, папироску выкурить. Тихо, звезды горят как-то по-особенному, не мягко и ласково, а раздражают меня, тревожат...

Сижу, думаю... О чем? О вечности, смерти, тайне вселенной, пространстве... ну, обо всем, что в голову после сытного ужина и крепкого чаю лезет... Философов вспоминаю, теории разные, разговоры... И вспомнилась мне одна вещь, еще со времен детства... Тогда я сильно гордился тем, что, так сказать, собственным умом дошел. Вот как я рассуждал: бесконечное количество времени прошло, пока «я» не появился... Ну-с, умираю я, и допустим, что меня совсем не было... И вот – почему в пределах бесконечности я снова не могу появиться? Я немного сбивчиво, конечно... но пример... такой... чистый лист бумаги, скажем,

вот. Беру карандаш, пишу – 10. А вот – взял и стираю совсем, начисто... И что же! Беру карандаш снова и снова «10» пишу. Понимаете – 1 и 0.

Он замолчал, перевел дух и вытер рукавом капли пота, мирно блестящие на его измученном лысом черепе.

– Продолжайте, – сказал я, – и не останавливайтесь. В таких случаях лучше рассказать сразу, это легче.

– Да, – подхватил он, – я... и... ну, не в этом дело... Так вот. Мысли мои вертелись безостановочно, как будто вихрь их какой подхватил... И вот здесь, в первый раз, мне пришла в голову ужасная мысль, что можно узнать все, если...

– Если? – подхватил я, видя, что он вдруг остановился.

Он ответил шепотом, торжественным и удрученным:

– Если думать об этом безостановочно, не боясь смерти.

Я пожал плечами, сохраняя в лице вежливую готовность слушать далее. Пациент мой судорожно завертелся на стуле, очевидно, уколотый.

– Невероятно? – воскликнул он. – А что, если я вам такую перспективу покажу: вы, вот вы, доктор, сразу, вдруг, сидя на этом кресле, вспомните, что есть бесконечное пространство?... Хорошо-с... Но вы ведь мыслите о нем со стенками, вы ведь стенки этому пространству мысленно ставите! И вдруг нет для вас ничего, стенок нет, вы чувствуете всем холодом сердца вашего, что это за штука такая – пространство! Ведь миг один, да-с, а этот самый миг вас насмерть уложить может, потому что вы – не приспособлены!..

– Возможно, – сказал я. – Но я себе не могу даже и представить...

– Вот именно!.. – подхватил он с болезненным торжеством. – И я не представил, но чувствую, – и он стукнул себя кулаком в грудь, – вот здесь ношу чувство такое, что, как только подумаю об этом пристально, не отрываясь, – пойму... А поняв – умру. Вот давеча я просил вас слова «мат в три хода» крикнуть, если я руку подыму... Все это оттого, что вы мне этими самыми словами в критический момент, когда оно начнет уже подступать, – другое направление мыслям сразу дадите.

А задачу эту в три хода я выудил, когда еще журнальчик один выписывал. Я ее, голос ваш услышав, – и начну с места в карьер решать... Так вот-с... сижу я, вдруг, слышу, жена меня с крылечка зовет: «Миша!». А я слышу, что зовет, но отвечать ей, представьте себе, не могу, – сковало мне язык, и все тут... Потом уж я догадался, в чем тут штука была: настроение у меня было в момент этот, так сказать, самое неземное, редкое даже настроение, а тут нужно о деле каком-нибудь домашнем разговаривать, пустячки разные. Молчу я. Второй раз зовет: «Миша-а! Уснул, что ли, ты?» Тут я разозлился и сказал ей, извините, вот эти самые грубые слова: «Пошла к черту!» Хорошо-с. Ушла она. И так мне грустно стало после этого, что и не расскажешь. Пойду, думаю, спать. Разделся, лег, а все не спится мне, круги разные мелькают, мухи светящиеся бегают... А сердце, надо вам сказать, у меня давно не в порядке... Вот и начало оно разные штуки выделять... То остановится, то барабанным боем ударит, да так сильно, что воздуха не хватает... Страх меня взял, в жар бросило... Умираю, думаю себе... И как это подумал, поплыла кровать подо мной, и сам я себя не чувствую... Ну, хорошо. Прошло это, опомнился... однако спать уже не могу... Мысли разные бегут, бегут как собаки на улице, разные образы мелькают, воспоминания... Потом, вижу, девочка идет утренняя, за ней барышня, потом старуха... вся эта процессия, как живая, движется... И только, знаете, мысль моя на этой старухе остановилась, как задрожал я и закричал во весь голос: чувствую, один поворот мысли, и пойму, понимаете, – пойму и разрешу всю загвоздку смерти и жизни, как дважды два – четыре... И чувствую, что, как только пойму это, в тот же самый момент... умру... не выдержу.

Он замолчал, и показалось мне, что сама комната вздохнула, шумно и судорожно переводя дыхание. Белый, как известь, сидел передо мной испуганный человек, не сводя с моего лица стеклянных, вытаращенных глаз. И вдруг он поднял, вытянув вверх, руку, старательным,

неуклюжим движением, – знак подступающего ужаса, – руку с крахмальной манжеткой и бронзированной запонкой.

И было, должно быть, в этот момент в комнате двое сумасшедших – он и я. Его паника заразила меня, я растерялся, забыв и «мат в три хода», и то, что значила эта беспомощная, выброшенная вверх рука с желтыми пальцами. Без мыслей, с одним нестерпимо загоревшимся желанием вскочить и убежать, смотрел я в его медленно уходящие в глубь орбит глаза, – маленькие, черные пропасти, потухающие неудержимо и бесцельно...

Рука опускалась. Она лениво вогнулась сначала в кисти, потом в локте, потом в предплечье, всколыхнулась и тихо упала вниз, мягко хлопнув ладонью о сгиб колена.

Испуг возвратил мне память. Я вскочил и крикнул размеренным, твердым голосом, стараясь не показаться смешным самому себе:

– Лейпциг! Международный турнир! Мат в три хода!

Он не пошевелился. Мертвый, с успокоившимся лицом, залитый электрическим светом, – он продолжал неподвижно и строго смотреть в ту точку над спинкой моего кресла, где за минуту перед этим блеснули мои глаза.